

**Коммуникативная рациональность как ценность:
о хайдеггеровской интерпретации «Риторики» Аристотеля**

Характерными и, на наш взгляд, наиболее значимыми для философии XX в. среди других поворотов являются прагматический, десубстантивировавший многие социальные институты и сосредоточивший внимание на практиках воспроизводства, и лингвистический, тематизировавший особую природу языка – повороты. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса охватывает оба этих сюжета. В продолжение веберовского разграничения социального взаимодействия на действия целерациональные и ценностно-рациональные он утверждал, что подлинно гражданское (или «социетальное», поскольку Т. Парсонс является другим влиятельным для Хабермаса автором) общество существует вне пределов инструментальной рациональности [1, с. 120–121; 2, р. 141]. Поскольку за субъективностью в том виде, в каком она была известна в эпоху модерна, стоят системы, оперирующие в рамках инструментальной рациональности, то само понятие субъективности в свете критики Хабермаса предлагается к пересмотру с позиции трансцендентального прагматизма – субъект не замкнут, но как таковой возможен только в коммуникации с другими субъектами. И поэтому свободная коммуникация, обладающая особой рациональностью, главным образом и становится целью и ценностью.

Фигура Хабермаса для нас интересна как контрапункт, в гармонический противовес которому располагается монументальная фигура М. Хайдеггера. Выход в свет его «Бытия и времени» в 1927 г. стал без преувеличения эпохальным событием. Амбициозный проект фундаментальной онтологии, артикулированный Хайдеггером в данной работе, оказал существенное влияние на дальнейшее развитие философии в Европе. Сам Хайдеггер оценивал предпринимаемую им попытку реактуализации и пе-

реистолкования основных понятий европейской онтологии как неудачную. Книга «Бытие и время» воплотила в себе только первую часть исследовательского проекта, однако Хайдеггеру этого оказалось достаточно, чтобы обратить на себя самое пристальное внимание. Достаточно этого оказалось и для инициации последовавшего в 1929 г. разрыва Хайдеггера с учителем, основателем феноменологии Э. Гуссерлем.

Главным образом, в фокусе внимания ученых кругов оказалось знаменитое хайдеггеровское присутствие как альтернатива субъекту новоевропейской метафизики. В меньшей степени внимания удостоивается его анализ других структур, обнаруживаемых в ходе экзистенциальной аналитики присутствия, в частности, бытие-с-другими [3, с. 179]. Мотивировка данной работы — скромное стремление внести посильную лепту в восполнение этого упущения. Безусловно, его нельзя назвать полностью игнорируемым, но интересующий нас аспект определен также и другой задачей.

Известно, что Аристотель существенно повлиял на Хайдеггера во многих смыслах [4, с. 94–95]. Тематически — многообразие значений сущего у Аристотеля как указанная Brentano проблема послужило инициированием вопроса о бытии, о котором в различающихся случаях все же говорится одинаково. Общим был и пафос преодоления общего — борьба Аристотеля с платоновским «благом» в пользу партикулярных субстанций напоминает упорное стремление Хайдеггера концентрироваться на фактичности существования. На период подготовки «Бытия и времени» ключевым текстом Аристотеля становится «Никомахова этика», в чем можно видеть еще одну грань вышеназванного пафоса — основой онтологии выступает не традиционная для школьной философии «Метафизика», а текст, несколько более «периферийный» для такой темы.

На пересечении этих задач и обнаруживается наш собственный исследовательский интерес: аристотелевское влияние на проект фундаментальной онтологии мы хотим проследить в ключе вопроса о «бытии-с-другими». Можно сказать, что, за исключением вышедших в 1925 г. «Прологомен к истории понятия времени», набросок к грядущей работе четко различим в прочитанном Хайдеггером в 1924 г. курсе по «Риторике» Аристотеля. Представляется показательным, что «бытие-с-други-

ми» как один из главных модусов подлинного существования человека в черновом варианте обнаруживается именно в курсе по «Риторике». Возможность обращения к другому как возможность преимущественно коммуникативная и реализуемая силами разума (логоса) и особая ее ценность вследствие переоценки Хайдеггером роли риторики — причина обратить внимание на этот аспект в развитии проекта фундаментальной онтологии. В эпоху, предшествовавшую превращению риторики в школьную дисциплину украшения речи, риторика, по мнению Хайдеггера, была искусством, в пределах которого «Логос» во всем многообразии его значений проявлял себя в полной мере. Обращение к другим в риторической речи и успех задачи ратора возможны постольку, поскольку побуждают страсть (*pathos*) слушателей, и в этом сказывается модус «бытия-с-другими» [5].

В заключение можно подчеркнуть, что анализ моделей субъективности, реализуемых через коммуникативную деятельность, у обоих авторов, то есть то, в каких терминах она утверждается, в чем заключается ценность коммуникативной рациональности у Хабермаса и риторических страстей, как их видит Хайдеггер в своем курсе лекций, является интересной задачей для дальнейшего исследования.

Библиографические ссылки

1. Уэст Д. Континентальная философия. Введение. М., 2015. 448 с.
2. Communicative Action. Essays on Jürgen Habermas's Theory of Communicative Action / eds. A. Honeth, H. Joas. Cambridge, 1991. 305 p.
3. Мухомудинов О. М. Понятия *κοινωνία* и *Miteinandersein* у Аристотеля и Хайдеггера // Доклад : Збірник наукових праць з філософії та філології. Одеса, 2005. Вип. 8. С. 178–184.
4. Гадамер Х.-Г. Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества. Минск, 2007. 240 с.
5. *Heidegger and Rhetoric* / eds. D. M. Gross, A. Kemmann. N. Y., 2005. 203 p.